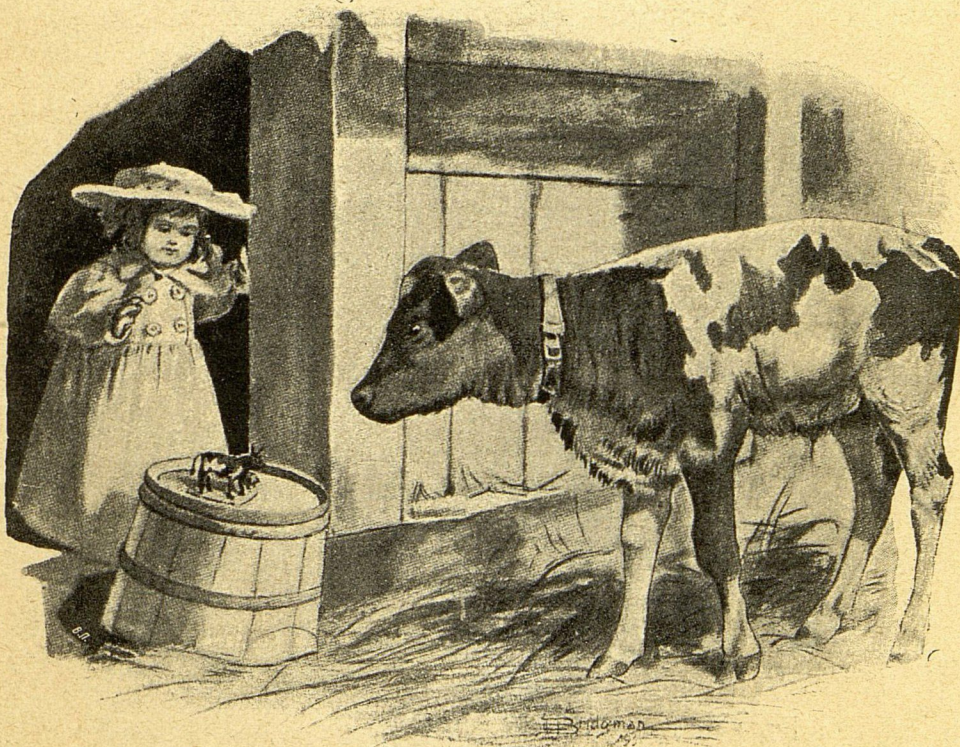

Свѣтлячокъ

1903 г. • годъ II. • № 3.

Это тоже твоя родня, телочка!

Хлопотъ — полонъ ротъ.

Кукла—крошка у меня,
А большая съ ней возня...
Если съ ней не заниматься,—
Стыдно въ люди показаться!
Утромъ ей бѣлье стирай,
Встанетъ,—кофе подавай,—
Угощай,—да не безъ ласки,
А потомъ катай въ коляскѣ...
Чуть воротишься домой,—
Надо въ кухню... Боже мой!..
Стряпай ей, да повкуснѣ,—
А не то—мученье съ нею,
Тутъ капризничать пойдетъ,—
Не цѣня моихъ хлопотъ...
Вечеръ. Бьетъ ужъ ровно восемь...
Спать сударыню мы просимъ,—
Уложу ее въ кровать,
Какъ заботливая мать,—
Кукла спитъ,—миѣ жъ нѣтъ покою,—
Передъ лампою, съ иглою
Ей бѣлье и платье шью:
Все красавицу мою
Разодѣть хочу нарядно,—
Пусть франтитъ! Смотрѣть отраднo...
Въ счастья куколка живетъ,—
А хлопотъ за ней... хлопотъ!..

Ткачъ-Основа.

Хлопотъ — полонъ ротъ!

Признанія стараго петербургскаго кота Васьки *).

(РАЗСКАЗЪ.)

Время переѣзда на дачу, дѣйствительно, скоро наступило. Моя лапочка настолько поправилась, что я уже могъ бродить по комнатамъ.

— Вася, мы завтра ѣдемъ на дачу! — кричала Фофочка, лаская меня. — Ты радъ, плутишка?... Тамъ будутъ цвѣты, ягоды, грибы... Ахъ, какъ будетъ хорошо, Васенька!..

Въ домѣ происходила такая кутерьма, точно на пожарѣ. Всѣ куда-то торопились, что-то забывали, сердились и говорили другъ другу разныя непріятныя вещи. Я съ удивленіемъ

*) Окончаніе.—См. „Свѣтлячокъ“ 1903 г., №№ 1-й и 2-й.

смотрѣлъ на всѣхъ и не узнавалъ своихъ хозяевъ. Нужно сказать, что въ суматохѣ обо мнѣ совершенно забыли и вспомнили только тогда, когда нужно было ѣхать на вокзалъ.

— А какъ же Васька?—спохватилась Фочка, вспомнившая обо мнѣ.

Оказалось, что для меня мѣста рѣшительно нигдѣ „не оказалось“, а ужъ, кажется, много ли нужно маленькому коташкѣ мѣста?.. Произошло торжественное совѣщаніе, на которомъ рѣшили посадить меня въ старую картонку изъ-подъ шляпы. Это придумала Фочка и впередъ торжествовала.

— О, ему тутъ будетъ отлично!..—увѣряла она всѣхъ.

Скажу вамъ откровенно, что никогда не ѣздите на дачу въ такой картонкѣ. Это нѣчто ужасное. Когда меня сунули въ эту тюрьму изъ картона, я немного растерялся и молчалъ, а потомъ началъ бунтовать, т.-е. царапаться и мяукать. Во-первыхъ, въ картонкѣ страшно тѣсно, во-вторыхъ—темно, въ-третьихъ—нѣтъ воздуха и, въ-четвертыхъ, просто скучно. Кончилось тѣмъ, что когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, я продавилъ дно картонки, потихоньку вылѣзъ и вздохнулъ, наконецъ, свободно. По-

томъ я заснулъ, а потомъ слышу, какъ какая-то дама кричить:

— Здѣсь кошка!.. Я не выношу кошекъ...
Уберите кошку!.. Мнѣ дурно...

Весь вагонъ всполошился. Я началъ бѣгать подъ лавками, меня начали ловить, и кончилось дѣло тѣмъ, что я опять очутился въ картонкѣ, которую перевязали веревочкой.

IV.

Я уже говорилъ, что Фочка любила меня и заботилась обо мнѣ, но выходило какъ-то такъ, что ея любовь доставляла мнѣ много огорченій. Да, такъ мы переѣхали на дачу, и я скажу откровенно, что ничего хорошаго въ этомъ не вижу и совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ люди тащатся куда-то въ деревню, гдѣ нельзя пройти черезъ улицу, чтобы не запачкать лапокъ. А о теплѣ и говорить нечего,—лѣто было холодное и дождливое, и я думалъ, что погибну отъ холода.

Первое, что со мной случилось на дачѣ, это то, что деревенскія собаки чуть-чуть меня не разорвали въ клочья, какъ только я вышелъ въ садикъ подышать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ. Я едва спасся на деревѣ.

— Да онъ совсѣмъ боленъ,—рѣшилъ Сержикъ, ощутивъ мою спину.—Однѣ кости да кожа остались... Его надо лѣчить, няня.

— Ну, какое котамъ лѣкарство,—ворчала няня.—Онъ самъ поправится...

Я былъ тронутъ участіемъ Сержика и не подозрѣвалъ, что изъ этого можетъ выйти.

— Знаешь что, Фочка?—предлагалъ Сержикъ самымъ серьезнымъ тономъ.—Васька серьезно боленъ, и мы его будемъ лѣчить.

Эта мысль очень понравилась Фочкѣ, и она захлопала отъ радости въ ладоши.

— И я тоже буду лѣчить?—спрашивала она.

— И ты будешь лѣчить. Я буду докторомъ, Жоржикъ — аптекаремъ, ты — сидѣлкой, а Ниночка — хозяйкой больного Васьки. Поняли?

Фочка прыгала отъ радости. Ахъ, какъ отлично придумалъ Сержикъ!..

— Мы устроимъ и больницу, и аптеку, и перевязочный пунктъ,—говорилъ Сержикъ.

Сказано — сдѣлано. Больница была устроена въ углу сада изъ досокъ и какого-то ящика, аптеку помѣстили подъ террасой, перевязочный пунктъ — въ бесѣдкѣ. Самымъ интереснымъ было устройство аптеки. Сержикъ пожертвовалъ для нея свои краски, а Фочка ната-

пила разныхъ баночекъ и пузырьковъ отъ лѣкарствъ. Краски натолкли, развели въ водѣ, и получилось лѣкарство всевозможныхъ цвѣтовъ. Жоржику устроили колпакъ изъ бумажнаго кошель, въ которомъ носятъ булки, а на шею повѣсили увеличительное стекло, компасъ и бинокль.

— Ахъ, какъ отлично! — радовалась Фочка.— На Ниночку мы надѣнемъ нянинъ платокъ и дадимъ ей зонтикъ... Будетъ настоящая хозяйка больного кота. А ты, Жоржикъ, какъ докторъ, надѣнешь папины пенснэ и возьмешь папинъ портфель... А я возьму у горничной бѣлый фартукъ и чепчикъ. Отлично, отлично, отлично!..

Однимъ словомъ, всѣ были счастливы, а я, не подозрѣвая ничего, сидѣлъ на террасѣ и любовался, какъ суетятся и хлопочутъ милыя дѣтки.

V.

— Ну, теперь дѣло за Васькой,—рѣшилъ Сержикъ,—Ниночка, ты его возьми на руки.

Я довѣрчиво улегся у Ниночки на колѣняхъ. Сержикъ подошелъ къ намъ съ портфелемъ и въ очкахъ, сдѣланныхъ изъ бумаги.

— Гдѣ у васъ больной?—спрашивалъ Сержикъ, стараясь говорить басомъ.

Ниночка по уговору должна была заплакать и отвѣчать плаксивымъ голосомъ.

— Не знаю, что съ нимъ дѣлается...—объясняла Ниночка,—мнѣ кажется, что онъ скоро умретъ...

— Но у насъ, сударыня, онъ не умретъ... Позвольте мнѣ пощупать его пульсъ.

Когда пульсъ былъ выслушанъ, Сержикъ заявилъ съ дѣловымъ видомъ:

— Да, онъ серьезно боленъ... Ему нуженъ прежде всего покой.

Онъ схватилъ меня поперекъ живота и потащилъ въ бесѣдку, т.-е. на перевязочный пунктъ, гдѣ меня уже ждала Фочка, она же и сидѣлка.

— Очень опасный больной...—объяснялъ ей Сержикъ.—Ему необходимъ покой. Нужно сдѣлать серьезную перевязку.

У Фочки уже былъ приготовленъ старый фартукъ няни Архиповны, въ который меня и запеленали, а чтобы я не выскочилъ,—меня перевязали какими-то тесемками и бечевками отъ покупокъ. Я пробовалъ царапаться, мяукалъ, но ничего не помогло.

— Больному нуженъ покой,—увѣрялъ Сержикъ.

Меня торжественно перенесли въ больницу и уложили въ корзинку изъ-подъ углей.

Я, конечно, не желалъ этого дѣлать, и Сержикъ щелкнулъ меня по носу.

— Впрочемъ, это все равно,—рѣшилъ этотъ милый, остроумный мальчикъ.—Сейчасъ я напишу рецептъ для лѣкарствъ...

Рецептъ былъ написанъ, и Ниночка побѣжала въ аптеку къ Жоржику, откуда и вернулась съ баночкой, въ которой была разведена зеленая краска.

— Ну, больной, открывай теперь ротъ,—предлагалъ мнѣ Сержикъ.

Конечно, я этого не желалъ дѣлать. Тогда Сержикъ взялъ лучинку и силой открылъ мнѣ ротъ, а Фофочка принялась вливать мнѣ въ ротъ отвратительную зеленую краску. Я мяукалъ, фыркалъ, но все-таки пришлось проглотить нѣсколько капель.

— Очевидно, это лѣкарство нашему больному не нравится,—рѣшилъ Сержикъ.—Ну, попробуемъ другое... Я сейчасъ напишу новый рецептъ.

Аптекарь Жоржикъ отпустилъ новое лѣкар-

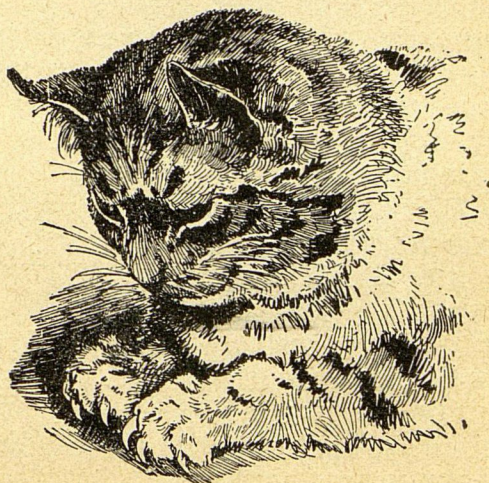

ство, но это было уже краснаго цвѣта и еще противнѣе.

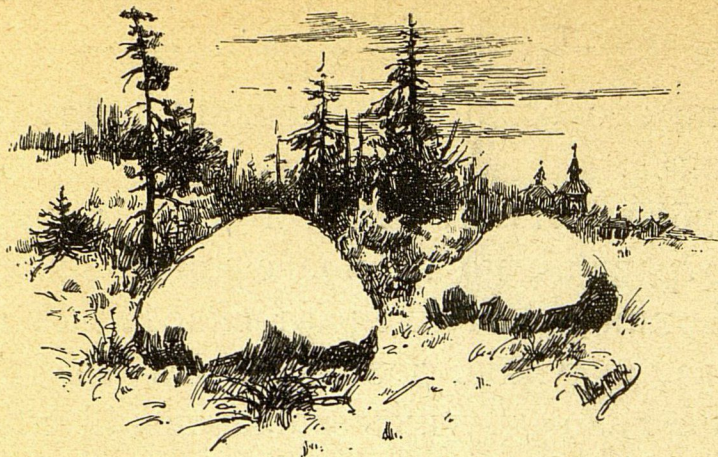
Я убѣжденъ, что милыя дѣти навѣрно бы меня отравили, но на мое счастье прибѣжала няня Архиповна и еще разъ спасла мнѣ жизнь.

Пока, я думаю, довольно. Въ моей жизни было не мало другихъ приключеній и непріятностей. Мнѣ хотѣлось только показать, что у всякаго есть въ жизни и хорошее, и дурное, хотя это простая истина и хорошо извѣстна всѣмъ. Можетъ-быть, въ другой разъ какъ-нибудь расскажу еще что-нибудь изъ своей жизни, а сейчасъ—довольно.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ДѢТИ И СНѢЖИНКИ.

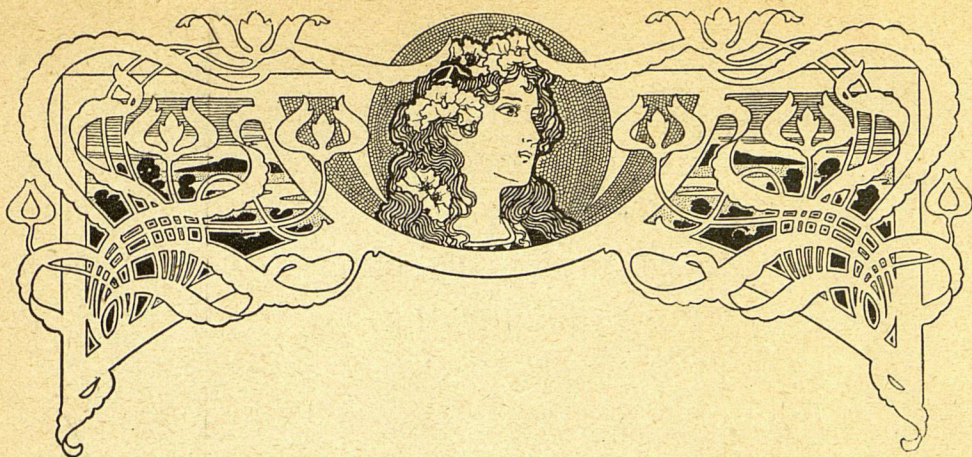
Веселой гурьбою снѣжинки кружились,
Одна за другою на землю ложились.
Снѣжинки горѣли алмазомъ на солнцѣ,
А дѣти смотрѣли съ улыбкой въ оконце.

ДѢТИ.—„Снѣжинки, голубки,—вамъ весело вѣчно!..
„Вы рядите въ шубку всю землю безпечно..
„А вѣтеръ подуетъ,—пойдете кружиться,
„Метель забушуетъ,—вамъ любо рѣзвиться!..
„Снѣжинки! живется чудесно вамъ, вѣрно,
„Вы веселы, счастливы, съ виду, безмѣрно“...

СНѢЖИНКИ.—„Нѣтъ, лѣтомъ, зимою — мы, капли-малютки,
„Не знаемъ покоя,—и намъ не до шутки,
„Мы странствуемъ тучей надъ вами высоко,
„Подъ почвой незримы, течемъ мы глубоко.
„Спадаемъ дождемъ мы и снѣгомъ пушистымъ,
„И къ небу взлетаемъ туманомъ волнистымъ..
„Природу собою мы, капли, питаемъ,
„Отъ холода снѣгомъ ее укрываемъ..
„Не ради веселья дождемъ мы струимся,
„Не ради бездѣлья снѣжинками мчимся..
„А что мы, по виду,—бодры и игривы,—
„То, вамъ не въ обиду,—всѣ такъ же счастливы
„И бодры, кто лѣни, покоя не знаетъ,
„Кто честно, по силамъ, свой трудъ совершаетъ!..“

М. Я.

Рѣшилась!..

(Изъ воспоминаній дѣвочки.)

Мы жили какъ-то съ крестной матерью на берегу моря. Я была больна, меня и привезли на море лѣчиться. Я купалась въ морѣ, играла, сидя на пескѣ, и на самомъ солнцѣ; меня зарывали въ песокъ,—и здоровье мое отъ этого немного поправлялось.

Я была очень слаба, ходить одна не могла. Вотъ мнѣ крестная и наняла стараго рыбака, Нордсена. Онъ меня возилъ въ коляскѣ, носилъ на рукахъ, зарывалъ въ песокъ, рассказывалъ мнѣ разныя интересныя вещи.

Онъ ужасно любилъ меня. Бывало, смотритъ, смотреть на меня, да и заплачетъ.

— Что вы, Нордсенъ?—спрошу я его.

— Ничего, барышня, — отвѣтитъ онъ. — Такъ... Я вспоминаю свою дочку, она такая же большая была бы теперь.

— А гдѣ же она, Нордсень?

— Она умерла, барышня.

— И давно?

— Давно!..

Разъ онъ мнѣ и разсказалъ всю исторію.

— Я жилъ здѣсь же на берегу моря, — разсказывалъ онъ, и на глазахъ его сверкали слезы. — Жена у меня рано умерла, и я жилъ одинъ съ своей крошкой дочерью. Ей было всего три года. Разъ я уѣхалъ на рыбную ловлю, а ее оставилъ съ сосѣдкой. Поднялась буря. Мою лодку загнало далеко въ море; я бы непремѣнно утонулъ, — но меня спасъ пароходъ, который попался мнѣ въ морѣ. Только черезъ мѣсяцъ вернулся я домой. Прихожу сюда, — хижины моей нѣтъ, нѣтъ и дѣвочки моей.

За время моего отсутствія случилось сильное наводненіе. Домикъ мой размыло и унесло по рѣкѣ. А съ нимъ погибла и моя дѣвочка. Кого я ни спрашивалъ, куда я ни бросался, — нигдѣ я не находилъ о ней извѣстій... Да... Я чуть не выплакалъ глазъ о ней, барышня, и до сихъ поръ я плачу еще о ней, и молюсь о ней Бо-

На берегу моря.

гу, что бы Онъ не оставилъ ее тамъ, на небесахъ, безъ ласки и милости!..

Мнѣ ужасно жаль стало добраго Нордсена, и я не знала, чѣмъ мнѣ его утѣшить.

II.

Моя крестная была богатая, знатная дама, она была мнѣ второй матерью, потому что я была круглая сирота. Мнѣ говорили всегда, что папа и мама мои умерли давно-давно, когда я еще была совсѣмъ маленькой.

Какъ-то разъ я сидѣла съ моимъ добрымъ Нордсеномъ на берегу моря и играла въ ладошки. Онъ нарочно промахивался, чтобы я могла ударить его лишній разъ.

— Какія у васъ нѣжныя ручки, барышня,— сказалъ мнѣ Нордсенъ и усмѣхнулся,— совсѣмъ какъ птичье крылышко,—мягкія, нѣжныя.

А я засмѣялась и сказала:

— Да, только я уродъ, Нордсенъ.

— Почему?

Я протянула ему руку и говорю:

— Посмотрите, Нордсенъ, у меня мизинецъ совсѣмъ кривой!..

И тутъ Нордсенъ вдругъ заплакалъ и поцѣловалъ у меня мой уродливый палецъ.

Мнѣ такъ странно это показалось, что я бросилась къ нему на шею, а онъ меня такъ и донесъ до дому на рукахъ.

А когда онъ шелъ, то все плакалъ, и я никакъ не могла догадаться, о чемъ онъ плачетъ,—а самъ Нордсенъ не говорилъ, а только качалъ головой...—Бѣдный, бѣдный, Нордсенъ!..

III.

На утро мнѣ было плохо, и я осталась лежать въ постели. Я не спала, а лежала въ легкомъ забытіи, и вдругъ слышу шаги и голоса. Я была такъ слаба, что не могла открыть глазъ, но по голосамъ тотчасъ узнала, что это были Нордсенъ и крестная.

Они думали, что я сплю, и говорили хоть и вполголоса, но такъ, что я все могла слышать отъ слова до слова.

— Увѣрены ли вы въ этомъ, мой добрый Нордсенъ? — говорила крестная. — Подумайте, это почти невозможно!

— Увѣряю васъ, добрая сударыня,—говорилъ горячо и убѣдительно Нордсенъ, и голосъ его дрожалъ отъ едва сдерживаемаго волненія,—какъ я увидѣлъ этотъ сломанный пальчикъ,—я припомнилъ все. Моя Кэтъ играла съ ящи-

комъ стола и прищемила пальчикъ. Сколько было слезъ и горя,—вы не можете вообразить, она вывихнула его, и съ той поры онъ у нея оставался кривымъ и безъ ногтя... Потомъ, сударыня, посмотрите,—у нея за лѣвымъ ушкомъ большая родинка. Ахъ, увѣряю васъ, сударыня, это моя дочь... Не отнимайте вы ее у меня, ради Христа!.. Самъ Господь привелъ ее сюда, ко мнѣ... Ради Бога, сударыня!..

Я не помню, что они говорили дальше. Сердце мое сильно забилося, и я отъ волненія потеряла сознаніе...

IV.

Черезъ два дня я встала. Крестная страшно удивилась, когда я ей сказала, что знаю уже все объ отцѣ.

— Послушай, — сказала она, — Нордсенъ старъ; онъ, можетъ быть, и ошибается... Какъ я могу отдать тебя ему?—Я тебя люблю, какъ свою дочь; я сама одинока; я скоро умру, и тогда все мое—будетъ твоимъ. Не покидай меня. А иначе тебѣ придется лишиться всего и жить въ бѣдности, чуть не въ нищетѣ.

И крестная расплакалась, нѣжно обнимая и цѣлуя меня.

— Не скрою,—продолжала она потомъ,— дѣйствительно, 10 лѣтъ тому назадъ я именно здѣсь нашла тебя, у одной бѣдной старушки. Старушка сама побиралась; ей было тяжело кормить и содержать тебя. Она рассказала мнѣ, что твой отецъ-рыбакъ погибъ въ морѣ, что ты круглая сирота, и ей нечѣмъ тебя содержать. Но за эти десять лѣтъ я такъ привязалась къ тебѣ, я такъ полюбила тебя, что не могу разстаться съ тобой!..

И крестная все плакала и плакала.

Я сама была въ отчаяніи. Я не знала, что мнѣ дѣлать... но когда ночью я проснулась отъ тяжелаго сна,—я увидѣла около своей кровати—его, моего бѣднаго, сѣдого отца, стоящаго на колѣняхъ...

Да, да, я помню это, какъ сейчасъ... онъ стоялъ на колѣняхъ, не сводя глазъ съ меня; и его глаза, эти добрые, любящіе глаза, полные слезъ, были такіе ласковые, такіе нѣжные и печальные, что я все позабыла и кинулась къ нему, обвила его шею обѣими руками и вся прильнула къ нему...

— Папа, милый папа!..

И я почувствовала близость чего-то родного, своего, безконечно-дорогого мнѣ; я чув-

ствовала, что не могу остаться снова безъ него; мнѣ до того было жаль его, моего милаго, дорогого папочку!..

А онъ гладилъ меня по головѣ, нѣжно цѣловалъ и все повторялъ:

— Рѣшилась!.. да какъ же ты рѣшилась на это, милая моя, дорогая дѣвочка?..

V.

И вотъ мы остались жить съ папой на берегу моря. Крестная уѣхала отъ насъ. А мы устроились славно. Нашъ домикъ, который купила намъ крестная, — прехорошенькій, отдѣланъ на диво, и я хозяйничаю въ немъ, какъ заправская хозяйка; а когда я вижу передъ собою любящіе глаза папы, его милое, доброе лицо, — я забываю все на свѣтѣ и сознаю, что я счастлива, счастлива свыше мѣры!..

Пріѣзжайте на море, и прямо заходите въ нашъ домикъ, вы увидите, какъ у насъ съ папой все просто, хорошо и уютно устроено.

А. Ведоровъ-Давыдовъ.

Мой лучшій другъ.